

§ 7 ИСТОРИЯ ПРАВА

Никулин В.В.

«РЕВОЛЮЦИОННОЕ УСТРАШЕНИЕ» КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1918– 1920 годы

Аннотация: В статье рассматривается теория и практика применения теории устрашения большевиками в качестве государственно– правового метода управления в период гражданской войны. Анализируются условия возникновения террора, как основного средства устрашения, практика и последствия его использования.

Ключевые слова: Юриспруденция, устрашение, террор, закон, наказание, легитимность, репрессивные органы, правоприменение, государственная политика, безопасность

Теория устрашения является одной из наиболее старых утилитарных теорий наказания. В средние века, согласно этой теории, конечная цель наказания заключается в том, чтобы наказание производило столь устрашающее воздействие, что способно было бы удержать преступника от рецидива, а других предупредить о серьезности последствий преступления. Позже теория устрашения стала интерпретироваться как осознание неизбежности наказания. Люди воздерживаются от преступной деятельности из-за угрозы понести правовое наказание, если это наказание воспринимается как относительно суровое, неизбежное и незамедлительное.¹ Несмотря на спорность этого тезиса, устрашение как таковое применяется в любом обществе, где нормы права регламентируют общественное поведение. Кара, которой подвергается преступник, должна (помимо иных функций) устрашать других членов общества, предупреждая нарушение закона. Однако в рамках права наказание возможно лишь после того, как будет установлен факт нарушения конкретного закона, причем объект наказания – конкретный правонарушитель и никто другой.² В реальности, особенно политической,

нередко возникали и возникают ситуации, когда превентивное устрашение становится потребностью и государственно – правовым методом управления обществом, обеспечивающим внутреннюю безопасность государства. Это в первую очередь характерно для тоталитарных систем, одним из главных признаков которых является отсутствие легитимности, под которой мы понимаем не только отсутствие юридических признаков законности власти (выборность, преемственность и т.д.), но и отсутствие поддержки политического режима большинством населения страны. В этих условиях режим стремится с помощью устрашения сохранить власть и одновременно устранить внутреннюю угрозу режиму. Устрашению соответствует и определенная модель государственно – правового поведения власти, которую можно определить как «безопасность любыми средствами», что заставляет прибегать к чрезвычайным мерам в отношении антиправительственных сил. В результате возникает террор, как средство устрашения и как метод обеспечения безопасности власти. Для проведения политики устрашения создается репрессивный аппарат, функции которого направлены исключительно на подавление противников режима. Именно такая модель управления обществом была избрана большевиками после прихода их к власти в октябре 1917 года. И тому у большевиков были свои основания.

¹ См. подробнее: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х томах. – Т. 2. – М., 1994.

² Там же.

Социально– политическая ситуация в стране после октября 1917 года развивалась стремительно, претерпев в течение нескольких месяцев серьезные изменения. Власть в своей наивности в отношении своей политической безгрешности и истинности, уповала на то, что скоро массы поймут ее мессианское предназначение и встанут на ее сторону. Но вскоре стало очевидным, что большевики явно преувеличивали вероятную степень их поддержки населением. Поддержка оказалась не столь широкой и активной, на которую они рассчитывали. Далее еще хуже. Крестьяне недовольны, рабочие бастуют, на окраинах страны формируется контрреволюция, в крупных городах оформляются антисоветские движения. Растут правовой хаос и преступность. Приказы высшего руководства не выполняются. По утверждению Троцкого, из 10 приказов 8 не выполняются членами партии из-за принципа (каждый себе начальник), девятый из-за лени, десятый выполняется беспартийным.³ Что это? Эпизод, зарождающаяся тенденция? Как остановить опасное развитие событий? Поначалу речь шла о необходимости вселить в деревню, в солдатские массы идею законности, порядка, диктаторского применения закона, когда «за нарушение закона или воспрепятствование его применению карать жестко и беспощадно».⁴ Но вскоре в руководстве большевиков под влиянием все более ухудшавшейся обстановки в стране происходит психологический перелом. Остановить опасные политические тенденции, угрожавшие утратой власти, которая у большевиков олицетворялась с национальной безопасностью, можно только одним средством – устрашением в форме террора. Уже 17 декабря 1917, в своем обращении к кадетам, Л. Троцкий в жесткой форме заявляет о начале массового террора по отношению к врагам революции: «Вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина. А не только тюрьма».⁵ Вскоре террор становится практической задачей. 14 января 1918 года на совещании Президиума Петроградского совета по вопросу о борьбе с голодом Ленин говорит о необходимости террора как

о первостепенной задаче: «Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме них самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна... пока мы не применим террора – расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно – расстреливать на месте».⁶ В начале 1918 года последовали и первые законодательные акты, подтверждавшие ужесточение позиции властей. В связи с наступлением германских войск, СНК 21 февраля 1918 года принимает декрет «Социалистическое отечество в опасности», который легализовал смертную казнь. Статья 8-я декрета устанавливала: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».⁷ Расстрелы стали применяться в широчайшем масштабе, несмотря на то, что II съезд Советов 26 октября 1917 года отменил смертную казнь.⁸ Уже 22 февраля ВЧК объявила о расстрелах всех бегущих на Дон контрреволюционеров.⁹ На широкомасштабный террор ориентируется и местная власть. Выступая на I Тамбовской конференции большевиков в мае 1918г. представитель московского комитета РКП (б) угрожающе заявлял: «Все должны знать, кто идет против советской власти – погибнут. Его ждет виселица и беспощадный расстрел. Вешайте, расстреливайте дезорганизующих армию. Распускайте негодных, малодушных».¹⁰ Террор стремительно распространяется на провинцию. В ночь с 4 на 5 июля 1918г. в Тамбове без суда были расстреляны в тюрьме 11 человек, арестованных в связи с контрреволюционным восстанием в городе 17-18 июня. Среди расстрелянных лиц были и несовершеннолетние учащиеся. Расстрел был произведен даже без ведома губернского совета, что многими было расценено, как убийство с требованием наказать его организаторов.¹¹ Эти первые эксцессы свидетельствовали о начале развития новой тенденции – узаконивание

⁶ В. И. Ленин. Полн. Собр. Соч. Т. 35. С. 311.

⁷ Декреты Советской власти. Т. I. М., Изд– во политической литературы. 1957. С.490-491.

⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С.9.

⁹ Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 840. Оп.1. Д. 8. Л. 15-19.

¹¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р.– 5201. Оп 2. Д. 17. Л. 61

³ Государственный архив социально– политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп.1. Д. 8. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 24а.

⁵ Цитата по: Ланцов С. А. Террор и террористы: Словарь. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004.

Политика и общество 6 (102) • 2013

расстрелов без суда, по произволу и усмотрению отдельных лиц. Можно констатировать, что период от января до августа 1918г. был периодом фактического, хотя и неофициального террора. Законодательно смертная казнь в виде расстрела была закреплена только лишь в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года.¹² Террором занимались многие государственные органы: армия, ревтрибуналы, ревкомы, комбеды, милиция и т.п. Но ведущую роль в осуществлении террора играла ВЧК. Именно ВЧК взяла на себя исполнение исключительной меры социальной защиты – расстрела. В первое время ВЧК расстреливала только уголовных бандитов. Начало применения расстрела за контрреволюционные преступления хронологически связывается с делом бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка братьев А.А. и В.А. Череп-Спиридовичей за попытку продажи германскому правительству акций национализированных рудников на сумму пять миллионов рублей. (По Брестскому миру советское правительство должно было оплачивать все русские ценные бумаги, предъявленные Германией). Это было расценено, как государственная измена и братья были расстреляны 31 мая 1918 года.¹³

После предоставления Революционным трибуналам 16 июня 1918 года ничем не ограниченного права на репрессию, начались расстрелы и по приговору трибуналов.¹⁴ 21 июня 1918г. Верховный Революционный Трибунал в публичном открытом заседании вынес первый смертный приговор, осудив к расстрелу за антисоветскую деятельность бывшего командующего Балтийским флотом контр-адмирала А.М. Щастного, спасшего остатки русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре. Тем не менее, он был обвинен в измене.¹⁵ Этим приговором устанавливалась смертная казнь теперь и по суду. Смертная казнь в административном порядке и по суду становились не столь уж редким явлением. Очевидна аналогия с французской революцией. Якобинский террор начался и усиливался по мере того как обострялась гражданская война и ухудшалась обста-

новка на фронтах. 17 сентября 1793г. Конвент принял правовой акт – «Закон о подозрительных». Закон предписывал брать под арест и содержать в тюрьме, вплоть до заключения мира, за их собственный счет, всех лиц, признанных подозрительными.¹⁶ Большевики действовали аналогично: аресту подлежали все подозрительные лица. Террор в условиях России, так же как и в период французской революции содержал как бы две стороны: с одной стороны спланированный, обдуманный террор, с другой эксцессы толпы. Каутский, говоря о великой французской революции, писал: «Эти эксцессы исходят из самых некультурных, грубейших слоев населения, террор не осуществляется высококультурными людьми, исполненными гуманности людьми».¹⁷ Эти слова применимы в полной мере и к российской революции. Сначала революция сопровождается массовыми эксцессами толпы, которые именуются справедливым гневом народа. Затем формируется официальная идеология террора. Формируется она как под воздействием реально складывающейся социально– политической обстановки, так и под воздействием теории революции.

Таким образом, причины перехода к массовому устрашению в форме террора были весьма прозаичны и обуславливались политической целесообразностью и стремлением обеспечить внутреннюю безопасность режима. Вся деятельность власти в условиях военного противостояния и правового хаоса была направлена на выживание, в том числе и с помощью жестоких законов, построенных на принципе простоты целесообразности. Цена для большевиков была слишком высокой – политическая жизнь и собственная безопасность. Поэтому не нужны были законы в истинном их понимании. Речь шла о наборе методов и средств для подавления контрреволюции. Ленин предлагал не иметь общих законов в стране, а в каждой « мелкой ячейке в деревне и городе бороться против шаблонизации и единообразия, проявляя инициативу: ««В одном месте посадят в тюрьму десятков богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними,

¹² СУ РСФСР 1919 г. № 66.

¹³ Л.Д. Голиков. Крах вражеского подполья. (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917 – 1924 гг.) М.: Политиздат. 1971. С. 70.

¹⁴ Постановление НКЮ от 16.06.18г. за подписью П.И. Стучки, заменивший на посту наркома юстиции И.З. Штейберга.

¹⁵ «Правда», 21 мая 1918 г. № 124

¹⁶ Ревуненков В. Г. История Французской революции. СПб.: Изд-во СЗАГС; Изд-во «Образование – Культура», 2003. С. 370.

¹⁷ Каутский. Терроризм и коммунизм. //Полис. 1991. № 1. С. 139.

как за вредными людьми. В четвёртом — расстреляют на месте, одного из десяти, виновных в туеядстве».¹⁸ Такой подход подтверждает еще одну закономерность революционного террора: наказываются не только активные контрреволюционеры, но и те, кто безразличен и безучастен к ней, те, кто уклоняется от выполнения революционного долга. В результате происходит то, что должно было произойти — революция «карает за паразитизм, распущенность, неспособность и уклонение от выполнения социальных обязанностей, не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой».¹⁹ Последствия такого подхода были катастрофичными — началось массовое беззаконие. Таким образом, главным методом обеспечения государственной безопасности становится устрашение, а его главным средством массовый террор.

Постепенно формировалась и нормативная база политики устрашения. Первым нормативным актом, в котором говорилось о необходимости террора, стало упомянутое постановление ВЦИК от 2 сентября 1918 года. Однако, несмотря на грозные формулировки, это постановление лишь предупреждало политических противников и общество в целом о необходимости проявлять лояльность к режиму и о введении террора в случае отсутствия таковой.²⁰ 5 сентября 1918 г. СНК принимает постановление «О красном терроре», в котором СНК уведомлял общество, «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».²¹ Устрашение в форме террора стало официальным государственным методом управления в советской России и обеспечения безопасности власти. Теперь уже и формально — официально террор был возведен в ранг государственной политики. Объект устрашения — все общество. Объект террора, по крайней мере, теоретически, классовый враг. То есть жизнь, свобода человека зависела не столько от его ре-

альной враждебности режиму, сколько от его классового происхождения.

В условиях отсутствия индивидуализации репрессий, неизбежно стала проявляться вторая сторона террора, связанная с системой обеспечения «революционной законности» и революционного «правосудия». Система, основанная на всеобщем подозрении, на исполнителях террора, в немалом числе состоявших из маргинальных и преступных элементов, открывала широчайший простор для всякого рода злоупотреблений. Кроме того, система устрашения отвергала применение к врагам народа обычных форм судопроизводства, упрощая процессуальную сторону дела до предела. В процессах по контрреволюционным делам не нужно было ни вызывать свидетелей, предъявлять улики, назначать защитников и даже проводить предварительное следствие. Критерии виновности были чрезвычайно просты: классовое происхождение. В инструкции ВЧК местным органам говорилось: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли обвиняемый против советской власти оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, какого он происхождения. Какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого».²² Главный же итог устрашения — это то, что террор становился определяющим методом обеспечения безопасности власти, когда революционная необходимость (ее важнейшие элементы — удержание власти и политическая доктрина) становится определяющим элементом государственной политики, и как следствие — замена закона страхом и насилием, главными составляющими политики устрашения.

Страх и насилие захватили провинцию, где местные органы власти усиливали террор «революционными инициативами». В результате в провинции террор приобретал еще более изощренные формы, облекаясь в форму всеобщего беспредела, не ограниченного ни рамками закона, ни рамками человечности. Количество арестованных превышало даже возможности ЧК. Причем, тюрьмы были заполнены не столько классовыми врагами, сколько людьми из простого народа, преступление которых состояло в совершении мелких правонарушений и в «классовой чуждости». В феврале 1919 г. Тамбовская ЧК вынуждена была констатировать, что в ЧК поступает масса арестованных без всяких на то причин. Большинство арестов произве-

¹⁸ В.И. Ленин. ПСС. Т. 35. С. 204.

¹⁹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 270-294.

²⁰ Постановление ВЦИК о превращении Советской республики в военный лагерь. // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С.291

²¹ СУ РСФСР. 1918 г. № 65. Ст. 710.

²² ГАСПИТО. Ф. 840. Оп.1. Д. 34. Л. 39.

Политика и общество 6 (102) • 2013

дено ячейками сел и деревень, которые взяли на себя функции милиции и ЧК. Часто аресты производились на почве личных отношений, из-за вражды, без всяких политических мотивов.²³

И всё же эксцессы массового террора, который стал приобретать черты неуправляемости и всеобщности, заставлял большевиков в отдельные периоды если не приостанавливать его, то снижать интенсивность. Уж слишком большие издержки влек за собой террор. А главная издержка – это рост враждебных настроений в стране в отношении власти, что, естественно, понижало степень безопасности власти. В ноябре 1918г. VI съезд Советов поставил вопрос ограничения террора рамками «революционной законности». Съезд принял постановление «О революционной законности», в котором призвал «всех граждан республики, все органы власти, всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР». Всякие отступления от законов, вызванные условиями борьбы против контрреволюции, ограничивались строго определенными рамками.²⁴ Одновременно объявлялась амнистия. Освобождались из заключения все лица, задержанные за контрреволюцию, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против советской власти или подготовке его. Освобождались и все заложники, кроме тех из них, задержание которых необходимо было как условие безопасности арестованных большевиков. Всем трибуналам и народным судам предписывалось применять досрочное освобождение в самых широких размерах для тех, кто не представлял опасности для республики.²⁵ Это была первая амнистия, проведенная во всероссийском масштабе.

В декабре последовали новые меры по ограничению террора. 11 декабря Совет рабочей и крестьянской обороны принял постановление о порядке ареста сотрудников советских учреждений и предприятий. СТО предоставил комиссариатам, губкомам и горкомам партии право участия через своих делегатов в следствии по делам граждан, арестованных органами ВЧК. Органы ВЧК должны были освобождать из-под ареста тех лиц, за которыми давали письменные поручительства два члена коллегии

Комиссариата или два члена комитета партии. В нем указывалось, что аресты сотрудников болезненно сказываются на работе учреждений и предприятий. Теперь при их аресте, от ЧК требовалось предварительное извещение (когда возможно) соответствующих ведомств относительно арестов сотрудников, и делать это необходимо было не позднее 48 часов после ареста, сообщая при этом и существо обвинения, предъявленного арестованному. Советским органам, хозяйственным органам предоставлялось право посылать своих делегатов для участия в следствии по делу арестованных сотрудников и право освободить тех, за кого поручится два члена коллегии комиссариата или два члена губернского комитета партии. Такое же право предоставлялось губернским и городским советам депутатов, а также местным или центральным профсоюзам.²⁶ Причина данного решения, принятого в разгар террора, была очевидной – усилить контроль над ВЧК, поскольку аресты специалистов стали частыми и неконтролируемыми, грозя уничтожить в общей массе репрессированных и необходимые революции кадры. Наконец осознал тот факт, что в условиях бескрайнего беззакония, творившегося на бескрайних просторах России, государство существовать не может и обеспечение безопасности власти усложняется. Это была попытка остановить вал беззакония в отношении населения, творимого под прикрытием борьбы с контрреволюцией. Смертные приговоры, выносимые не на основе закона, не в порядке наказания за преступления, а в порядке ликвидации чужеродного элемента привели к тому, что центральная власть утратила контроль над ситуацией. Стремительно рос местный сепаратизм и двоевластие на местах, не говоря уже о нигилистическом отношении к закону, которое стало повсеместным как среди населения, так и среди «ответственных работников и имевшее, как выясняется из дальнейших событий, долговременный характер.

Постановление ВЦИК «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» от 17 февраля 1919 года содержало новые административные меры по снижению террора, путем ограничения полномочий ВЧК. Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в ВЧК, передавались трибуналам. Они должны были обеспечить эффективное и быстрое рассмотрение дел. Ревтрибуналам предоставлялось право проверки следственных действий ЧК и проверки закон-

²³ ГАСПИТО. Ф. 840. Оп.1. Д. 405. Л. 3.

²⁴ Декреты советской власти. Т.3. С. 458 – 459.

²⁵ Там же. С. 529 – 530.

²⁶ Там же. Т. 4. С. 208 – 209.

ности содержания арестованных. За ЧК сохранялось право непосредственной расправы для пресечения преступлений при наличии контрреволюционных и бандитских выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, с заключением арестованных в концлагерь.²⁷ Эти меры привели к определенному снижению накала террора. ВЧК было предложено пересмотреть списки заложников и освободить тех из них, содержание которых не вызывается крайней необходимостью.²⁸

Таким образом, предмет «устрашения», значение «устрашения» и смысл «устрашения» заключался в обеспечении безопасности власти в условиях отсутствия ее легитимности. Очевиден и другой вывод – государственные репрессии в виде физического уничтожения политических противников становятся «террором» только тогда, когда они используются как способ управления обществом посредством превентивного устрашения. В терроре со временем неизбежно проявляется и вторая сторона политики устрашения: утрата контроля над масштабами террора, средствами его применения и самими исполнителями террора. В целом можно констатировать, что логика действий большевиков заключалась в следующем: народ в своей массе не поддерживает власть. Была велика вероятность утраты власти. Следовательно, в этих условиях противников власти реальных и потенциальных от антиправительственных действий можно удержать только превентивным устрашением. Устрашающее наказание, должно удерживать страхом от антиправительственных действий всех тех, кто оппозиционен режиму и не только. Дело в том, что подобная система наказывает не только реального преступника, но и потенциальных преступников, которые не совершили преступления, но потенциально могут совершить в будущем. То есть это, по сути, есть коллективное устрашение, в масштабах страны. Таким образом, большевики полагали, что превентивное устрашение есть самое действенное средство для предупреждения контрреволюции и обеспечения безопасности власти, и для достижения этой цели допустимы самые жестокие его формы, что и было продемонстрировано большевиками в ходе использования массового террора в период гражданской войны.

²⁷ СУ РСФСР. 1919. № 12. С. 130.

²⁸ ГАТО. Ф. Р.– 648. Оп.1. Д. 1. Л. 92.

Библиография:

1. Голиков Л.Д. Крах вражеского подполья. (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917 – 1924г.г.) М.: Политиздат. 1971. С. 70.
2. Декреты Советской власти. Т. 1-3. М., Издательство политической литературы. 1957. С.490-491.
3. Ланцов С. А. Террор и террористы: Словарь. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004.
4. Ленин В. И.. Полн. Собр. Соч. Т. 35.
5. Каутский. Терроризм и коммунизм. //Полис. 1991. № 1.
6. Известия ВЦИК.
7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953.
8. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 270-294.
9. 270-294.
10. Ревуненков В. Г. История Французской революции. СПб.: Изд-во СЗАГС;
11. Изд-во «Образование – Культура», 2003. С. 370.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х томах. – Т. 2. – М., 1994.

References (transliteration):

1. Golikov L.D. Krah vrazheskogo podpol'ya. (Iz istorii bor'by s kontrevolyuciey v Sovetskoy Rossii. 1917 – 1924g.g.) M.: Politizdat. 1971. S. 70.
2. Lancov S. A. Terror i terroristy: Slovar'. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2004.
3. Lenin V. I.. Poln. Sobr. Soch. T. 35.
4. Kautskiy. Terrorizm i kommunizm. //Polis. 1991. № 1.
5. Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917-1952 gg. M., 1953.
6. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizaciya. Obschestvo. M.: Politizdat, 1992. S. 270-294.
7. Revunenkov V. G. Istoriya Francuzskoy revolyucii. SPb.: Izd-vo SZAGS; Izd-vo «Obrazovanie – Kul'tura», 2003. S. 370.
8. Tagancev N.S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. Chast' obschaya. V 2-h tomah. – T. 2. – M., 1994.